

И.Е. Шишкина
(г. Горловка)

УДК 821.161.1+ 811.161.1

КОНЦЕПТОСФЕРА РОЖДЕСТВЕНСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ И. БРОДСКОГО

В связи с разработкой нами проблемы особенностей жанровой системы святочной литературы XX-XXI вв. возникла необходимость «филологизации» изысканий – включения в структуру литературоведческого по своей природе исследования разделов, посвящённых лингвопоэтическому анализу базовых концептов святочных произведений. В предлагаемой работе мы попытаемся произвести анализ концепта, который составляет ядро концептосферы одного из наиболее значимых для развития святочной литературы рассматриваемого периода поэтического цикла – Рождественских стихотворений И. Бродского – концепта «звезда».

Выбор объекта исследования вряд ли может вызвать у кого-либо возражения: степень влияния И. Бродского на поэзию постсоветского периода неимоверно велика. При этом его Рождественские стихи формируют новое восприятие святочных праздников. Мы можем назвать это восприятие поэтическим возвращением библейской религиозной основы Святков как праздничного периода взамен политизированному советскому Новому году. Эта «доктрина» отразилась уже в первом стихотворении Рождественского цикла, написанном в 1962 году, – «Рождественском романсе», посвящённом «Евгению Рейну, с любовью». В этом стихотворении, выпадающем из общей стилистики Рождественских произведений И. Бродского, несмотря на обозначенную в заглавии тему Рождества, само оно не находит словесного воплощения ни в прямых наименованиях праздника, ни в обозначениях его атрибутов, что вступает в противоречие с последующими Рождественскими стихами поэта, в которых постоянны и обязательны обозначения символов Рождества. Более того, место этого праздника в «Рождественском» стихотворении занимает именно Новый год:

*Твой Новый год по темно-синей
волне среди шума городского
плывёт в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнётся снова,
как будто будет свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнётся вправо,
качнувшись влево.*

Как отмечает О. Лекманов, «стихотворение называется „Рождественский романс“, а в финале возникают слова „Твой Новый год по темно-синей“. Вот оно, ключевое двоение, главное двоение. Москвичи, современные Бродскому 1962 года, петербуржцы, да и все вообще советские люди отмечали не главный, не настоящий праздник. По Бродскому, настоящий праздник – Рождество. Вместо него они отмечали праздник-субститут, они отмечали Новый год» [3]. Очень показательны в этой связи такие размышления: «Собственно о Рождестве в стихотворении ни слова, только в заглавии. Событие, Праздник, радость отсутствуют. Так что же, между заглавием и самим стихотворением противоречие? Нет! Не Противоречие, а антиномия. Перед нами теза и антитеза. Синтез напрашивается сам собой: стихотворение является слепком души, находящейся в безблагодатном, в обезбоженном мире, жаждущей обретения Бога и смысла, но ещё не отдающей себе в этом отчёта. "Необъяснимая тоска" является тоской богооставленности. Отсюда такой надрыв и надсад в интонации этого стихотворения. Поэт еще не взошел на свое "острие" взгляда со стороны, он еще полностью "имманентен" миру, он еще искривлен без иронии. И замечательно, что это стихотворение написано до подробного знакомства с Библией, со Священным Писанием» [1, с. 86].

Рождественские стихи И. Бродского составляют одну из важнейших тематических групп произведений в творчестве поэта, который в ответ на вопрос П. Вайля «Чем объяснить такое пристальное внимание к этому сюжету?» сказал: «Прежде всего это праздник хронологический, связанный с определённой реальностью, с движением времени. В конце концов, что есть Рождество? День рождения Богочеловека. И человеку не менее естественно его справлять, чем свой собственный» [4]. Ещё более значимо звучат слова поэта: «Чем замечательно Рождество? Тем, что здесь мы имеем дело с исчислением жизни – или, по крайней мере, существования – в сознании – индивидуума, одного определённого индивидуума» [4]. Именно эта идея – идея нового исчисления жизни «одного определённого индивидуума» и объединяет, на наш взгляд, все стихи Рождественского цикла, а концептом, формирующим основу этой идеи, а следовательно, и всей концептосферы, является концепт «звезда», отмечаемый во всех Рождественских стихотворениях, кроме «Рождественского романса», в котором вместо звезды обнаруживается «новогодняя» луна: «Луна так же, как река, вводится в предметный мир «Рождественского романса» посредством намеков и недомолвок. Первая строфа стихотворения начинается с загадки, которую, впрочем, довольно просто отгадать. «Ночной кораблик негасимый/ из Александровского сада», плывущий «среди кирпичного надсада» – в сознании москвича ассоциируется, конечно же не с Вечным огнём (который был зажжён лишь в 1967 году) и не со зданием Манежа, своими очертаниями отдалённо

напоминающим гигантский жёлтый корабль (но не «кораблик»), а именно с луной. В строках «ночной пирог несёт сочельник/ над головою» (5-я строфа) легко опознать ещё одно замаскированное её изображение, особенно если вспомнить о «кулинарном» заглавии стихотворения Бродского 1964 года «*Ломтик медового месяца*». Приведём также строки из рождественского стихотворения Анны Ахматовой «Бежецк» (1921): «И серп поднебесный желтее, чем липовый мёд». А словосочетание «дворник круглолицый» (3-я строфа «Рождественского романса») позволяет внимательному читателю вспомнить о знаменитом пушкинском уподоблении круглого лица «глупой луне» на «глупом небосклоне» [5, с. 9].

Мы исходим из предложенной В.В. Колесовым трактовки концепта как «основной единицы ментального плана, – содержащейся в словесном знаке и явленной через него как образ, понятие и символ» [2, с. 5].

Звезда предстаёт в текстах произведений как реализация предметного ряда Рождественской легенды, как описываемая в Евангелии от Матфея звезда, воссиявшая на востоке и указавшая волхвам путь в Вифлеем: «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему (Мф. 2:1-2)», «Они, выслушав царя, пошли. И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец. Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою, и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариєю, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Мф. 2:9-11). Упоминание звезды как обязательного фрагмента события реализует понятийную составляющую поэтического концепта «звезда».

В ряде стихотворений звезда существует как факт без каких-либо видимых описаний её значимости. Такова звезда в стихотворении «Второе Рождество на берегу...»:

*Второе Рождество на берегу
незамерзающего Понта.
Звезда Царей над изгородью порта.
И не могу сказать, что не могу
жить без тебя – поскольку я живу.
Как видно из бумаги. Существую;
глотаю пиво, пачкаю листву и
топчу траву.*

То же в стихотворении «Рождество 1963 года»:

*Волхвы пришли. Младенец крепко спал.
Звезда светила ярко с небосвода.*

Иногда поэт добавляет «физические» характеристики звезды, формирующие представление о её значимости:

*Костер полыхал, но полено кончалось;
все спали. Звезда от других отличалась
сильней, чем свеченьем, казавшимся лишним,
способностью дальнего смешивать с ближним.*

(Не важно, что было вокруг)

В некоторых стихотворениях Вифлеемская звезда имитируется, но всё же существует. Так, в стихотворении «Presepjo (Ясли)» вместо реальной звезды появляется вертепная звезда из фольги:

*В усыпанном блёстками ватном снегу
пылает костёр. И потрогать фольгу
звезды пальцем хочется; собственно, всеми
пятью – как младенцу тогда в Вифлееме.*

В стихотворении «Что нужно для чуда?…» со звездой ассоциируется светильник:

*А если ты дом покидаешь – включи
звезду на прощанье в четыре свечи,
чтоб мир без вещей освещала она,
вослед тебе глядя, во все времена.*

Но общей тенденцией всё-таки является воплощение в концепте «звезда» как понятийной составляющей именно Вифлеемской звезды.

Звезда выступает в текстах как символ преображения, новой жизни, что согласуется с упомянутой выше «доктриной» Рождества И. Бродского. При этом следует помнить, что его стихи о Рождестве можно разделить на два подцикла: «В первом больше – о том, что происходит рядом с Рождеством и по его поводу, во втором – о самом Рождестве, о чуде появления Богочеловека. В ранних стихах – тоска, грусть, тягостная атмосфера, наполненная ожиданием худшего. В поздних – повседневность уходит в тень, затухая и исчезая в событии, свершившемся в далёком Вифлееме. Тема вечности становится определяющей» [6]. И звезда получает разное значение в указанных подциклах. В первом она воспринимается как символ преображения индивидуальной жизни – жизни конкретного человека («В Рождество все немного волхвы»):

*Но, когда на дверном сквозняке
из тумана ночного густого
возникает фигура в платке,
и Младенца, и Духа Святого
ощущаешь в себе без стыда;
смотришь в небо и видишь – звезда.*

При этом отсутствие звезды становится символом безысходности, как в трагическом стихотворении «Новый год на Канатчиковой даче». Отметим, кстати, что в этом стихотворении отмечается явление обратное

тому, которое было реализовано в «Рождественском романсе»: в названии стихотворения упоминается Новый год, но событийный ряд связывается с Рождеством. В этом стихотворении читаем:

*Ни волхвов, ни осла,
ни **звезды**, ни пурги,
что младенца от смерти спасла,
расходясь, как круги
от удара весла.*

В стихотворениях же второго подцикла звезда становится символом желаемого перерождения «пустыни» человечества:

*Сколько света набилось в осколок **звезды**,
на ночь глядя! как беженцев в лодку.*

(Снег идёт, оставляя весь мир в меньшинстве)

И здесь мы подходим к главной для художественных произведений составляющей концепта «звезда» – образу. Главное действие, которое осуществляется звездой в тех стихотворениях, в которых образный компонент становится ведущим, – она смотрит, наблюдает за событием:

***Звезда**, пламеня в ночи,
смотрела, как трёх караванов дороги
сходились в пещеру Христа, как лучи.*

(Рождество 1963 года)

И младенец смотрит на звезду:

*И младенец **смотрел** на звезду:
Морозное небо над ихним привалом
с привычкой большого склоняться над малым
сверкало звездой – и некуда деться
ей было отныне от взгляда младенца.*

(Не важно, что было вокруг...)

В одном из стихотворений автор говорит о том, что младенец, глядевший на звезду, знал, что означает взгляд звезды:

*Дым устремлялся в дверной проем,
чтоб не тревожить их. Только мул
во сне (или вол) тяжело вздохнул.
Звезда глядела через порог.
Единственным среди них, **кто мог
знать, что взгляд ее означал,**
был Младенец; но он молчал.*

(Бегство в Египет (2))

И только стихотворение «Рождественская звезда» объясняет причину «наблюдений»:

*Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака,
на лежащего в яслях ребёнка издалика,
из глубины Вселенной, с другого её конца,*

звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд Отца.

Но затем происходит «перерождение» звезды: она воплощается в младенце:

*они жгли костер. В заматаемой снегом
пещере, своей не предчувствуя роли,
младенец дремал в золотом ореоле
волос, обретавших стремительный навывк
свеченья – не только в державе чернявых,
сейчас, – но и вправду подобно звезде,
покуда земля существует: везде.*

Таким образом, концепт «звезда» является главным «механизмом» формирования концептосферы, так как, воплощая сюжетный факт сияния Вифлеемской звезды, она становится символом перерождения человечества, поскольку несёт в себе семантику воплощения Бога-отца в Боге-сыне. К сожалению, ограниченный объём статьи не позволяет не только описать все базовые концепты Рождественского цикла, но и обрисовать сопутствующие воплощаемые коннотации концепта «звезда», о которых нами будет рассказано в последующих работах.

Литература

1. Кекова С.В. Сохранившие традицию: Н.Заболоцкий, А.Тарковский, И.Бродский / С.В. Кекова, Р.Р. Измайлов : учебное пособие. – Саратов: Лицей, 2003. – 192 с.
2. Колесов В.В. Философия русского слова / В.В. Колесов. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.
3. Конспект Бродский. «Рождественский романс» // Краткое содержание эпизода Олега Лекманова из курса «Русская литература XX века. Сезон 3». – Режим доступа : <http://arzamas.academy/materials/844>.
4. Рождество: точка отсчета. Беседа Иосифа Бродского с Петром Вайлем [М.: НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 1996]. – Режим доступа : <http://noblit.ru/node/1124>.
5. Сергеева-Клятис А.Ю. “Рождественские стихи” Иосифа Бродского / А.Ю. Сергеева-Клятис, О.А. Лекманов. – Тверь : ТвГУ, 2002. – 44 с.
6. Тина Гай. Иосиф Бродский. Рождественский цикл / Тина Гай. – Режим доступа : <http://sotvori-sebia-sam.ru/iosif-brodskij/>.

АННОТАЦИЯ

Шишкина И.Е. Концептосфера рождественских стихотворений И. Бродского

В предлагаемой статье дается анализ концепта «звезда», который составляет ядро концептосферы поэтического цикла И. Бродского о Рождестве. Автор приходит к выводу, что концепт «звезда» является главным «механизмом» формирования концептосферы рождественских

стихотворений И. Бродского, так как, воплощая сюжетный факт сияния Вифлеемской звезды, она становится символом преображения, новой жизни, символом перерождения человечества.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, звезда, Рождество, рождественские стихотворения, образ.

SUMMARY

Shishkina I.E. Concept sphere of Christmas poems by I. Brodsky

In the suggested article the “star” concept is analyzed. This concept lies at the core of the conceptual sphere of J. Brodsky’s poetic cycle dedicated to Christmas. The author arrives at the conclusion that the “star” concept is the main mechanism of formation of the conceptual sphere in J. Brodsky’s Christmas poems as through the manifestation of the narrative fact of the Star of Bethlehem shine it becomes a symbol of transfiguration, new life and reborn of humanity.

Key words: concept, conceptual sphere, star, Christmas, Christmas poems, image.